

Научная статья

УДК 94:[316.35:357.1](470.56)“1771”

DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.6

Попытка привлечения оренбургских казаков к преследованию уходивших из России калмыков в феврале — марте 1771 года

Степан Викторович Джунджузов

Оренбургский государственный педагогический университет, Оренбург, Россия, djund@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Аннотация. В статье объектом исследования является команда оренбургских казаков, которую военная администрация Оренбургской губернии пыталась использовать для преследования калмыков, откочевавших из России в январе 1771 г. Источниковую базу составили материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии Объединенного государственного архива Оренбургской области, а также опубликованные в научной периодике письма казахского Нурали-хана. Период обособленного существования команды как войскового формирования пришелся на февраль — март 1771 г. На первом «походном» этапе ее пытались использовать во взаимодействии сначала с яицкими казаками, а затем в соединении с казахским войском. Однако значительная потеря конского состава заставила казаков вернуться обратно. Далее анализируются организационные трудности, связанные со снабжением казачьей команды на втором «восстановительном» этапе. Невыполнение казачьей командой поставленной цели было закономерным. Военная организация и технические возможности не позволяли воинским контингентам в зимнее время действовать вдали от баз снабжения и приграничных укреплений.

Ключевые слова: казачья команда, казахский хан Нурали, казачий полковник А. А. Углецкий, калмыки, оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп, поход, степь, снабжение.

Для цитирования: Джунджузов С. В. Попытка привлечения оренбургских казаков к преследованию уходивших из России калмыков в феврале — марте 1771 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 2 (54). С. 147—160. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/54/6_54_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.54.6.

Original article

An attempt to involve Orenburg Cossacks in the persecution of Kalmyks leaving Russia in February — March 1771

Stepan V. Dzhundzhuzov

Orenburg State Pedagogical University, Orenburg, Russia, djund@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8937-5690>

Abstract. The article focuses on a squad of Orenburg Cossacks, which the military administration of the Orenburg province attempted to use to pursue the Kalmyks who had migrated from Russia in January 1771. The source base consisted of materials from the Orenburg Provincial Chancellery of the United State Archives of the Orenburg Region, as well as letters from Kazakh Nurali Khan published in scientific periodicals. The period of the squad's independent existence as a military formation fell on February — March 1771. At the first “marching” stage, they tried to use it in cooperation first with the Yaik Cossacks, and then in conjunction with the Kazakh army. However, a significant loss of horses forced the Cossacks to return. Further, the organizational difficulties associated with the supply of the Cossack squad at the second “recovery” stage are analyzed. The failure of the Cossack squad to achieve its goal was predictable. The military organization and technical capabilities did not allow military contingents to operate far from supply bases and border fortifications in winter conditions.

© Джунджузов С. В., 2025

Keywords: Cossack squad, Kazakh khan Nurali, Cossack colonel A. A. Ugletsky, Kalmyks, Orenburg governor I. A. Reinsdorp, military campaign, steppe, supply.

For citation: Dzhundzhuzov S. V. An attempt to involve Orenburg Cossacks in the persecution of Kalmyks leaving Russia in February — March 1771. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 2 (54), pp. 147—160. DOI: <https://doi.org/10.32516/2303-9922.2025.54.6>.

Введение

Откочевка калмыков-торгоутов из России в завоеванную Китаем Джунгарию в 1771 г. стала последней крупной миграцией кочевников в мировой истории. В январе того года от берегов Волги во главе с наместником Калмыцкого ханства Убаши и поддерживавшими его нойонами откочевало не менее 169 тыс. калмыков. Из них до родины предков дошло не более 70 тыс. человек, остальные были убиты, умерли от ран, болезней и голода либо попали в плен к казахам и проданы в неволю [10, с. 110].

История калмыцкого исхода из России как события масштабного и одновременно трагического по его итогу и последствиям остается в орбите общественного и научного дискурса более двух с половиной столетий. Центр исследовательского внимания сосредоточен на калмыцком народе, причем как на той его части, которая, преодолевая невзгоды, дошла до цели и обосновалась в Китае, так и на той, что осталась в России или вернулась в степное волжское низовье [2; 3; 6; 7; 15; 16]. Организационные и военные действия российской стороны, направленные на задержание и возвращение калмыков, в трудах исследователей характеризуются как запоздалые и неэффективные. Калмыки же, напротив, как подчеркивал в своем диссертационном исследовании В. И. Колесник, «проявили удивительные и беспримерные даже для степных кочевников выносливость, мужество, самоотверженность» [8, с. 46—48]. К середине мая 1771 г. наместник Убаши решил первую и главную из задач — избавился от преследования русских войск.

С другой стороны, быстрый, с незначительными потерями уход калмыков за пределы России нуждается в объяснении по поводу неудачного использования значительного воинского контингента, мобилизованного для их преследования в Оренбургской, а затем и в Сибирской губерниях. Одним из первых военных формирований, призванных вслед за яицкими казаками отправиться в погоню за мятежными калмыками, стала команда оренбургских казаков полковника Андрея Андреевича Углецкого. Действия этой команды в феврале — марте 1771 г., а также трудности, с которыми пришлось столкнуться казакам, отправленным в поход в зимнее время, до сих пор не затрагивались в трудах историков. Обращение к перипетиям, связанным с походом команды А. А. Углецкого, позволяет рассмотреть вопросы снабжения командного и рядового состава продовольствием и фуражом, их размещения на постой в домах обывателей, а также использования полевой артиллерии, ее содержания и перевозки по степному зимнему бездорожью.

Источниками исследования послужили материалы фонда Оренбургской губернской канцелярии (Ф-3) Объединенного государственного архива Оренбургской области. В них представлены две группы документов, содержащих сведения о казачьей команде А. А. Углецкого и планах ее использования в целях преследования и задержания мятежных калмыков. К первой группе относится переписка оренбургского губернатора генерал-майора Ивана Андреевича Рейнсдорпа с казахским (киргиз-кайсацким) ханом Нурали (Нуралы) о совместном походе и присоединении к казахскому войску команды полковника Углецкого. Часть писем Нурали-хана опубликована в научной периодике и вошла в сборники документов. Вторую, более многочисленную, группу документов составили ордера губернатора И. А. Рейнсдорпа, адресованные как самому полковнику А. А. Углецкому, так и начальникам ведомств, имевшим отношение к материальному и продовольственному

обеспечению казачьей команды, а также рапорты и донесения о выполнении распоряжений оренбургского губернатора.

Общепризнанной датой начавшейся откочевки калмыков-торгоутов от берегов Волги считается 5 января 1771 г. В этот день присланные наместником Калмыцкого ханства Убаши в сопровождении пятисотенного отряда зайсанги увезли его семью. Тогда же под влиянием ложных слухов, распространяемых от имени Убаши, о якобы грозящем рядовым калмыкам оказачивании и записи в солдаты с ними ушла значительная часть калмыцкого населения. На начальном этапе, продолжавшемся с 5 по 19 января, бегущая калмыцкая орда, покрыв расстояние в 500 км, достигла реки Яик и даже частично переправилась на ее степную сторону. Все это время оренбургский губернатор И. А. Рейнсдорп продолжал пребывать в уверенности, что Убаши не нарушит данной императрице Екатерине II присяги и не решится на переход через владения враждебных ему казахских жузов. Лишь по получении 23 января донесения состоявшего при калмыцких делах полковника И. А. Кишенского он убедился в калмыцкой измене и начал отдавать запоздалые распоряжения. Перед командующим оренбургским корпусом генерал-майором Иваном Кириловичем Давыдовым была поставлена задача: «употребить все силы в том им, калмыкам, на яицких форпостах, умножа людей, воспрепятствовать и далее не пропустить» [11, л. 61].

Яицкое (с 1775 г. Уральское) казачье войско не было подготовлено к вторжению на его территорию многотысячной калмыцкой лавины. Состоявшие на зимней линейной службе казаки вынуждены были оставлять слабо укрепленные форпосты и держать оборону в крепостях, пассивно наблюдая за переправой калмыков через Яик. Спешно собранная Войсковой канцелярией казачья команда походного атамана Алексея Митрясова численностью до 1300 человек успела нанести поражение относительно небольшим калмыцким партиям и задержать на переправе улус нойона Асархи [11, л. 222 об. — 223]. Теперь, когда время было упущено и калмыки без существенных потерь переправились через Яик, возникла необходимость организации их дальнейшего преследования в открытой степи [5, с. 117].

Результаты исследования

Зимний поход. Беспольные передвижения по заснеженной степи

Не сразу Оренбургской губернской канцелярии удалось определиться во мнении о дальнейшем движении мятежных калмыков. Поэтому первое распоряжение, направленное 24 января И. А. Рейнсдорпом атаману Оренбургского казачьего войска подполковнику В. И. Могутову, требовало принять меры предосторожности на Самарской линии и, в случае надобности, оказать помощь яицким казакам — в «пристойных местах» расположить надежный резерв [11, л. 102 об.]. Через два дня, 26 января, В. И. Могутов отчитался об исполнении. Разосланными по Самарской линии ордерами станичным атаманам он приказал выбрать из крепостных казаков лучших и исправных от 25 до 30, в Алексеевске и Самаре — до 50 человек, а всего 355 человек, и содержать их в такой готовности, чтобы они тотчас по получении приказа могли выступить в поход. Каждый казак должен был иметь при себе месячную норму провианта. В этом же рапорте в качестве наличной силы впервые упоминается команда казачьего полковника А. А. Углецкого в составе 501 казака [11, л. 103].

Известие о наличии подготовленной казачьей команды подвигло оренбургского губернатора с подачи генерал-майора И. К. Давыдова отдать распоряжение о немедленной ее отправке в Яицкий городок для совместного с яицкими казаками преследования беглых калмыков. Перед отправкой оренбургской казачьей команды состоявшие в ней 89 казаков из оренбургских крещеных калмыков были срочно заменены казаками, набранными из крепостей Самарской линии [11, л. 144, 166].

31 января генерал-майор И. К. Давыдов попросил оренбургского губернатора усилить казачью команду артиллерией в составе двух походных пушек со снарядами и необходимым числом служителей. И. А. Рейнсдорп приказал артиллерии майору И. И. Норову удовлетворить это требование. 2 февраля присланным от И. К. Давыдова двум казакам из команды полковника Углецкого были переданы под расписку две трехфунтовые медные пушки с надлежащим числом припасов и принадлежностей. Для их обслуживания были определены артиллерийские служители в составе 6 канониров и двух погонщиков. Для перевозки орудий, снаряженных ящиков и самих артиллеристов было выделено 30 подъемных лошадей [11, л. 176].

Таким образом казачья команда, представлявшая собой легкую кавалерию, существенно «отяжелела», что значительно осложняло и без того трудные переходы по покрывшейся льдом и снегом степи. К сожалению, имеющиеся в нашем распоряжении архивные источники не содержат описания артиллерийских орудий. Предположительно, это были старые образцы, оснащение и обслуживание которых не претерпело существенных изменений со времен Петра I. Для транспортировки такого орудия требовалось от двух до четырех лошадей. Нормальный боекомплект одной пушки состоял из 120 ядер и 50 картечей. Боезапас легких пушек перевозился в двухколесном зарядном ящике [4, с. 32].

Совместному выступлению оренбургских и яицких казаков против покинувших Россию калмыков воспрепятствовали обстоятельства не столько военного, сколько политического характера.

По мнению оренбургского губернатора, переправу Калмыцкой орды на степную сторону реки Яик хан Нурали должен был воспринять как вероломное вторжение в его вотчинные владения. Давние враждебные отношения между казаками и калмыками, обострившиеся в 1770 г. из-за участившихся нападений калмыков на казахские кочевья, сопровождавшиеся угоном скота и лошадей, позволяли российским властям надеяться на казахов как на естественных союзников [14, с. 761]. И. А. Рейнсдорп, полагаясь на неосведомленность Нурали-хана и опасаясь возможного его сговора с калмыцким наместником Убаши, попытался убедить казахского правителя, что калмыки переправляются через Яик «под киргис кайсацкие улусы, паки на злодейство». В том случае, если на яицких форпостах калмыков остановить не удастся, то хан должен приказать своим подданным «не допуская себя до разорения, их калмык, разбить и, переловя, в здешнюю сторону возвратить» [11, л. 2]. В следующем письме, от 27 января, губернатор ставил хана Нурали в известность, что калмыки уже перешли на степную сторону Яика и хотят там остаться жить [11, л. 4 об.].

Однако Нурали-хан не дал ввести себя в заблуждение. Он не меньше И. А. Рейнсдорпа был осведомлен об истинных намерениях наместника калмыцкого хана Убаши и поддерживавших его нойонов. В ответном письме от 1 февраля Нурали прямо указал оренбургскому губернатору, что калмыки не за их казахским скотом идут, а имеют намерение бежать в Джунгарию. Казахский хан решил сполна воспользоваться благоприятно складывавшейся для него ситуацией: засвидетельствовать верность и послужить интересам Российской империи и одновременно обогатиться за счет военных трофеев и укрепить свой авторитет в казахском народе. Он не только дал согласие направить казахское войско для преследования калмыков, но и обещал возглавить его в походе. Хан выражал надежду на совместные действия с русскими конными войсками, усиленными артиллерией. В том же письме правитель Младшего казахского жуза просил губернатора «для сообщения» и совместных разъездов направить в его распоряжение 300 военных с пушками [9, с. 208]. Эта просьба российским командованием была удовлетворена. Оренбургский губернатор

решил направить на усиление войска Нурали-хана казачью команду полковника А. А. Углецкого с приписанными к ней пушками и артиллеристами.

12 февраля И. А. Рейнсдорп направил полковнику А. А. Углецкому инструкцию с подтверждением, что он с командой направляется в помощь Нурали-хану: «дабы он, хан, с народом ево тем паче ко исполнению воли Ея Императорского Величества возбужден [был], что к содействию сего и предписывается» [11, л. 314].

Перед А. А. Углецким была поставлена задача: преодолевая все препятствия, стараться соединиться с ханом и отправиться с его войском в совместный поход. Оренбургский губернатор считал возможным через распространение среди рядовых калмыков увещательных листов побудить их к неповиновению своим владельцам и склонить к возвращению в места прежних кочевий. Для доставки в Калмыцкую орду увещательных листов И. А. Рейнсдорп советовал использовать пленных или подкупленных конфедератов (калмыков, склонных к сотрудничеству. — С. Д.).

Калмыков, объявлявших о повиновении и раскаянии, предписывалось со всем их имуществом, без притеснений и обид, под малым конвоем отводить в ближайшие от границ места. Того же, ссылаясь на императорский указ, надлежало требовать от казахского хана. Сопротивляющихся и склонных к дальнейшему побегу калмыков, напротив, «обще с киргис кайсацким корпусом храбро атаковать и разбить стараться» [11, л. 314 об.].

Особую заботу и внимание полковник Углецкий должен был уделять артиллерии. Пушки всегда должны были находиться под особым прикрытием, а в случае, если калмыкам удастся нанести казахскому войску поражение и обратить в бегство, сделать все возможное, чтобы артиллерийские орудия не достались неприятелю.

Находиться при казахском хане казачья команда должна была до тех пор, пока Калмыцкая орда не окажется против Орской крепости. Оттуда ей навстречу должен был выйти многочисленный корпус, состоявший из регулярных и нерегулярных войск. Оренбургский губернатор, как человек военный, понимал, что ни артиллерийские, ни казачьи лошади длительного похода не выдержат и «по непривычке их к степному корму придут в худобу». Выход он видел в обращении к Нурали-хану о замене их казахскими лошадьми с гарантией обязательного возвращения.

В заключении инструкции И. А. Рейнсдорп, не скупясь на комплименты, постарался поднять боевой дух полковника А. А. Углецкого: «Полагаясь на ваше тамошнее предусмотрение, будучи уверен, что Вы, яко храбрый офицер, не оставите оказать притом все ваше мужество и усердие и, когда успехи поступок ваш доказаны будут, то не оставлены будете вы моей рекомендацией» [11, л. 315].

31 января 1771 г. команда А. А. Углецкого, оставив в Яицком городке сотню оренбургских казаков, направилась на соединение с войском Нурали-хана.

12 февраля генерал-майор И. К. Давыдов направил оренбургскому губернатору сообщение, в котором говорилось, что полковник А. А. Углецкий с командой для преследования беглых калмыков уже отправлен к Нурали-хану. Однако события для оренбургской казачьей команды начали складываться по наихудшему сценарию. В тот же день, 12 февраля, уже сам И. А. Рейнсдорп уведомил атамана В. И. Могутова, что ему стало известно о пришедших в негодность из-за худобы артиллерийских лошадях [11, л. 310].

Встреча хана Нурали с полковником А. А. Углецким состоялась 13 февраля за рекой Илек. По поручению хана был проведен смотр казачьих и артиллерийских лошадей, большинство из которых оказались исхудавшими и к походу негодными. Но казахскому правителю очень хотелось иметь при своем войске артиллерию. Он предложил А. А. Углецкому отобрать и отправить с ним на лучших лошадях и обязательно с пушками человек сто казаков, а остальных оставить. В просьбе о замене истощенных казачьих

коней выносливыми казахскими лошадьми Нурали-хан отказал, ссылаясь на то, что он отлучился от своих улусов и потому лошадей ему взять негде.

Без губернаторской резолюции полковник Углецкий не решился принять предложение Нурали-хана. К тому же он хотел точно знать, как долго может продлиться предполагаемый поход. Неопределенность ситуации усиливало то обстоятельство, что даже сам хан не знал, где в то время находились калмыки.

В ожидании резолюции, чтобы не вызвать гнев Нурали-хана, А. А. Углецкий решил, «на первый случай», отправиться за ним. Но, во-первых, быстро двигаться не позволяла артиллерия, а, во-вторых, взятого из Илецкого городка овса для артиллерийских лошадей могло хватить только на восемь дней. К тому времени были почти израсходованы запасы сена, распределенные по одному пуду на каждую казачью лошадь.

В рапорте от 15 февраля полковник Углецкий известил губернатора И. А. Рейнсдорпа, что, посоветовавшись с ним, Нурали-хан приказал его команде следовать вверх по реке Илеку до устья реки Хобды, где остановиться и ждать от него распоряжений. По доходившим слухам, Калмыцкая орда в это время продвигалась вверх по реке Уилу, до которой от Хобды три дня конного пути. Чтобы определить достоверность этих сведений, Нурали-хан с отрядом численностью до двухсот человек отправился на разведку. Для передачи сведений А. А. Углецкому хан сопровождал капрал и три казака.

На прощанье Нурали-хан решил убедиться в боеспособности русской артиллерии. Он приказал полковнику Углецкому при выезде его отряда дать из каждой пушки по одному выстрелу, что и было исполнено. Сам же А. А. Углецкий, во исполнение ханского приказа, собирался на следующий день отправиться к устью Хобды и, получив дальнейшие указания, соединиться с ханским войском [11, л. 378—379].

14 февраля Нурали-хан лично обратился к оренбургскому губернатору, чтобы тот распорядился прислать полковнику А. А. Углецкому хороших лошадей для транспортировки пушек и приказал ему с пушками и «доброконными» казаками, пусть и в небольшом количестве, следовать за казахским войском. Нурали выражал уверенность, что именно артиллерия будет служить залогом победы: «по приближении к калмыкам, как они увидят пальбу, то узнают, что русские с киргисцами сообща приехали, и от того, конечно, обратно побежали, что служить может к благополучию Ея Императорского Величества» [11, л. 380—380 об.].

15 февраля губернатор распорядился, чтобы Контора оренбургских строений вместо усталых артиллерийских лошадей передала для транспортировки пушек 13 других, «самых лучших» [11, л. 340]. Между тем убыль лошадей принимала колоссальные размеры. 19 февраля А. А. Углецкий доложил о падении от худобы и бескормицы 50 казачьих лошадей; через 2 дня, 21 февраля, к ним добавились еще 3 артиллерийских и 53 казачьих лошади. Состояние оставшихся лошадей также было критическим: «Артиллерийские и казачьи лошади в такой худобе, что и ходить не могут. А особливо артиллерийские, все до одной пристали, почему артиллерию везут на казачьих лошадях» [11, л. 415]. Трезво оценивая сложившиеся обстоятельства, А. А. Углецкий предположил, что даже имея он для транспортировки орудий комплект сытых лошадей, их сил хватило бы не более чем на сто верст пути.

24 февраля от Нурали-хана возвратились два отправленных с ним казака. Они сообщили, что хан со своим войском дошел до озера Каракул, где остановился на отдых. Углецкому же Нурали приказал идти вслед за его войском. Предполагалось, что расстояние от реки Хобды до озера Каракул казачья команда пройдет за восемь дней. Причем, даже преодолев весь этот путь и соединившись с казахским войском, не было уверенности, что команда А. А. Углецкого сможет приступить к выполнению главной задачи

экспедиции — принуждению Калмыцкой орды к повиновению и возвращению на Волгу. Вернувшиеся от Нурали-хана казаки утверждали, что тот по-прежнему остается в неведении о продвижении преследуемых им калмыков. Сомневался А. А. Углецкий и в том, что малочисленное войско Нурали-хана остановит калмыков. Брат и соратник Нурали-хана, Айчувак-султан, с командой 700 человек оставался на реке Уиле и до весны двигаться к Каракулу не собирался [11, л. 415—416 об.].

Губернатор И. А. Рейнсдорп прислушался к доводам казачьего полковника и не стал в угоду Нурали-хану подвергать казаков риску остаться в заснеженной степи без лошадей и провианта. Еще одним аргументом в пользу их оставления на Яицкой линии служило предположение, что Калмыцкая орда будет двигаться по степной стороне Яика параллельно пограничной линии. По расчету оренбургских военачальников к концу февраля калмыки могли уже находиться напротив Илецкой защиты, в связи с чем не исключалась угроза калмыцкого нападения на эту крепость.

24 февраля И. А. Рейнсдорп отдал командующему оренбургскими войсками следующее распоряжение: «Извольте Ваше превосходительство усмотреть, что ему [А. А. Углецкому] с командой его следовать за ханом нет никакого способа, потому что он, хан, далеко, да и калмыки находятся против яицких форпостов. И дабы вящего в лошадях команды его, Углецкого, гибели да и людям вреда [не] произойти, велеть ему, Углецкому, к Илецкой защите приблизиться, и для отдыха и поправления лошадей их в той защите расположиться» [11, л. 417]. В тот же день ордер о переводе казачьей команды в Илецкую защиту был направлен непосредственно А. А. Углецкому [11, л. 420—420 об.]. Повеление губернатора подвело черту 24-дневным бесплодным мытарствам казаков по заснеженной и обледеленной степи, вдоль берегов Яика, Илека и Хобды, сопровождавшимся сокращением команды и падежом лошадей.

Пассивность и безрезультативность действий казачьих команд раздражала и возмущала оренбургского губернатора. 3 марта в обращении к генерал-майору И. К. Давыдову он обрисовал их следующим образом: «Удивления достойно, что о бегущих калмыках через толь немалое войско Яицкое точного известия получить доселе невозможно... Как то и полковник Углецкий с командой, со здешней стороны отправленной, почти с месяц в степи продолжается» [12, л. 3—3 об.]. Беспокойство И. А. Рейнсдорпа вызывало и длительное отсутствие известий от Нурали-хана, от которого он хотел получить сведения, во-первых, где тот сам со своим войском находится, и, во-вторых, «и бегущие калмыки в которых точно местах стоят или в движении, и в каких мыслях обращаются» [12, л. 18].

Квартирование в Илецкой защите

Проблема продовольственного и фуражного обеспечения команды А. А. Углецкого усугублялась неопределенностью ведомственной ответственности. По действовавшему правилу, за снабжение воинского контингента отвечал начальник ведомства или командир, в подчинении которого он находится. Генерал-майор И. К. Давыдов объявил оренбургскому губернатору, что 31 января при выступлении из Оренбурга казачья команда была удовлетворена провиантом, фуражом и деньгами на месяц вперед. При отправлении казаков в степь уже из Яицкого городка генерал велел полковнику Углецкому пополниться провиантом в Рассыпной крепости. Так как затем казачья команда формально находилась в ведении Нурали-хана, то и решение вопроса о ее дальнейшем снабжении И. К. Давыдов оставил на усмотрение И. А. Рейнсдорпа [11, л. 445].

Еще находясь на Хобде, полковник А. А. Углецкий связался с находившемся в Илецкой защите управителем соляных промыслов капитаном Кузьмой Ядринцевым. Через казачьего урядника он сообщил Ядринцеву, что по причине жестоких морозов и неимения фуража в его команде пало до 106 лошадей и просил на содержание оставшихся выделить

ему до 16 стогов казенного сена. Тогда сено с оплатой 1 рубль за стог было отпущено. Сверх того приезжавшие в Илецкую защиту казаки обращали внимание на запасы сена, свезенные и сложенные вблизи крепости. Это сено предназначалось для возчиков соли. Казаки просили К. Ядринцева продать им излишки сенного запаса. Сена действительно было заготовлено с излишком, но Ядринцев по собственной воле продавать его не решился и запросил резолюцию в Главном оренбургских соляных дел правлении. Оренбургское соляное ведомство распорядилось «для вышеозначенного экстраординарно и необходимо нужного случая» отпущенное уже сено записать в расход. А впредь, пока казаки будут находиться в Илецкой защите, отпускать им сено по той же цене, что и возчикам соли, с учетом затрат на его перевозку [12, л. 119—119 об.].

Во второй половине XVIII в. Илецкая защита имела не только оборонительное значение. Здесь находилось самое крупное промышленное предприятие южной части Оренбургской губернии — Илецкий соляной рудник. Илецкая защита не располагала достаточным количеством жилых помещений для постоянного размещения больших партий служилых людей. А. В. Аксенов, ссылаясь на труды П. С. Палласа и П. И. Рычкова, указывал, что в 1771 г. в самой крепости было 40 «обывательских» домов, квартиры для офицеров, казармы для двух рот солдат и другие нежилые постройки. Рядом, между крепостью и озером пресной воды, образовался небольшой рабочий поселок. В 1769 г. в нем было около 150 хижин, в которых жили ссыльные и работные люди [1, с. 43]. Из донесения капитана К. Ядринцева следовало, что накануне прибытия в Илецкую защиту казачьей команды там имелось всего 35 квартир. При соляном ведомстве состояло своекоштных людей до 130 человек, тептярей — 31, полумесячных казаков (приезжавших на заработки. — С. Д.) — 21, солевозцев — до 300 человек [12, л. 38].

С переходом к временной оседлости к прежним заботам полковника А. А. Углецкого об источниках снабжения его команды продовольствием и фуражом теперь прибавились поиск жилья для казаков и артиллеристов и восстановление утраченного или изношенного за время похода военного имущества.

Прибытие и размещение казачьей команды в Илецкой защите капитан К. Ядринцев сравнивал с нашествием неприятеля: «И поступил он, полковник, яко пришедший друтого государства в неприятельское место, потому что команды его казаки всех тептярей и повозчиков насильно из квартир выбили. <...> При том, что они должны на степи померзнуть или без наложения соли на порожних подводах обратно ехать» [12, л. 39]. Согласно представленной Ядринцеву справке, на постой в Илецкой защите следовало распределить 317 человек, которые самовольно разместились в обывательских домах по 7—10 и даже по 15 человек. Естественно, на увеличившийся постой приносили жалобы и сами обыватели. Управитель соляного промысла опасался, что в сложившейся ситуации возчики соли, которых насчитывалось до 500 человек при 1,5 тыс. подвод, откажутся ездить за солью. Для исправления положения К. Ядринцев просил Главное оренбургских соляных дел правление сделать распоряжение: «“своекоштных” обывателей от казачьего поста убавить». А также просил подтвердить полковнику Углецкому, чтобы казаки его команды илецких обывателей не обижали, «ибо некоторые казаки, напився пьяные, приходят и в своем буйстве хозяев бьют» [12, л. 38—38 об.].

Исполнявший в Илецкой защите должность градского командира секунд-майор П. И. Сурин 2 марта получил рекомендацию губернатора освободить для возчиков соли несколько квартир. В то же время И. А. Рейнсдорп решительно отказал К. Ядринцеву в освобождении обывателей от казачьего поста. Губернатор напомнил, что казачья команда размещена в Илецкой защите по его распоряжению «по самой в настоящих обсто-

ятельствах нужде. <...> Следовательно, она и квартирами до дальнейшего усмотрения удовлетворяться должна» [12, л. 40, 45].

В первые дни после прибытия в Илецкую защиту полковник А. А. Углецкий добился разрешения губернатора И. А. Рейнсдорпа на увольнение одноконных казаков, так как для выступления в поход у каждого казака в наличии должно было быть две лошади. Ордером от 15 марта И. А. Рейнсдорп постановил: «Худоконных и бесконных казаков как к службе безнадёжных для поправления возвратить. А когда нужда востребует, то или они, или на место их другие присланы будут». По домам были распущены 69 человек — 2 капра и 67 казаков. 18 марта А. А. Углецкий представил сведения, что в его команде, без учета артиллеристов, осталось 309 старшин и казаков и при них 609 лошадей [12, л. 91, 92]. Также на балансе казачьей команды находилась 21 артиллерийская лошадь.

В качестве провиантского довольствия артиллерийским служителям и казакам выдали полумесячную норму сухарей [12, л. 41 об.].

Фуражное обеспечение казачьей команды зависело от нескольких ведомств и должностных лиц, связующим звеном и высшей инстанцией для которых был оренбургский губернатор. Так, снабжение казачьих и артиллерийских лошадей овсом возлагалось на Продовольственный департамент, состоявший в ведении оренбургского обер-коменданта генерал-майора Николая Яковлевича Ланова, а сеном — на Главное оренбургских соляных дел правление, начальником которого с 1770 г. состоял статский советник Петр Иванович Рычков. Суточная норма фуража на одну как казацкую, так и артиллерийскую лошадь определялась в полпуда (8 кг) сена и 2 гарнца (примерно 1,6 кг) овса [12, л. 91].

Снабжение казачьей команды овсом было налажено достаточно оперативно. Поставлять казенный овес подрядился оренбургский купец Трофимов [12, л. 91]. Гораздо сложнее оказалось организовать бесперебойное снабжение фуражным сеном.

Купленные А. А. Углецким в Илецкой защите 14 стогов сена закончились уже к 4 марта. У местных жителей ни овса, ни сена на продажу не оказалось. Предоставленных капитаном К. Ядринцевым еще 250 пудов сена едва могло хватить на половину суток. 5 марта П. И. Рычков, в чьем ведении находилась Илецкая соляная контора, направил Ядринцеву ордер, подтверждавший разрешение на отпуск казачьей команде казенного сена [12, л. 65]. А чтобы возчики соли в прокорме лошадей нужды не имели, им предписывалось в поездке за солью использовать собственное сено.

В марте 1771 г. при посредничестве полковника А. А. Углецкого и казаков его команды поддерживалась связь с Нурали-ханом и казахскими султанами. Кочевья Нурали-хана и его брата Айчувак-султана располагались поблизости от Илецкой защиты, на реке Илек. А. А. Углецкий от местных осведомителей получал известия о появлении там возвращавшихся из ханского войска казахов. 4 марта для получения сведений о местонахождении и продвижении беглых калмыков И. А. Рейнсдорп приказал А. А. Углецкому отправить к Нурали-хану троих знающих татарский язык, «лучших и надежных казаков». И уже на следующий день, 5 марта, на купленных для них шести лошадях казаки Петр Белтюков, Алексей Горбунов и Федор Погорский были отправлены в ставку казахского хана [12, л. 49—50].

Однако еще до их возвращения прибыли на Илек из войска Айчувак-султана шесть казахов Табынского рода, возглавляемые К. Н. Медетовым. С султаном они расстались в урочище Белые пески, от которого до реки Илек 12 дней пути. Направленному к нему полковником А. А. Углецким есаулу Петру Лотову К. Медетов рассказал о столкновениях войска Айчувак-султана с отрядами калмыков. Первое нападение на калмыков совершил подвластный султану старшина Барымбай-батыр, который, по словам К. Медетова, «мужской пол весь колол, а женок и малых ребят, также и скот в плен взял». Вслед за

Барымбаем и Айчувак-султан с озера Каракул перешел на реку Сагыз, где ночью совершил набег на располагавшееся там калмыцкое кочевье. О количестве убитых калмыцких воинов К. Медетов и его спутники ничего определенного сказать не могли, но в лагерь Айчувак-султана были доставлены 130 калмыцких женщин и детей, а также много скота. В подтверждение своих военных успехов Айчувак велел привести в его родовое кочевье пятерых калмыков — одну женщину, трех девочек и одного мальчика [12, л. 243].

С войском Нурали-хана Айчувак-султан еще не объединился. Во время описанного сражения ханское войско находилось далеко позади. Но Айчувак выражал уверенность, что, когда их войска объединятся, они обязательно вступят с калмыками в новое сражение [12, л. 243 об.].

Нахождение команды полковника А. А. Углицкого в Илецкой защите рассматривалось командованием как временный отдых перед новым походом.

Разработанный в начале февраля губернатором И. А. Рейнсдорпом и генерал-майором И. К. Давыдовым план «О наряде и высылке регулярных и нерегулярных войск...» для преследования и задержания калмыков на первом этапе предполагал использовать две команды яицких казаков: 1300 при старшине А. Митрясове и 700 при старшине М. Суетине, а также оставленные в Яицком городке А. А. Углицким 100 казаков из крепостей Самарской линии. Командование ими было поручено полковнику Бейерену. В помощь казахскому Нурали-хану из Илецкого городка при полковнике А. А. Углицком направлялись 400 оренбургских казаков. Если же казачьи команды успеха не достигнут и мятежные калмыки продолжают свой путь по степной стороне Яика, как собственно и произошло, то следовало перейти к реализации второй части плана. В Орской крепости, находящейся в середине Яицкой линии, под командованием полковника М. М. фон Траубенберга из регулярных и нерегулярных войск спешно формировался экспедиционный корпус. Предполагалось, что в его состав войдут четыре эскадрона из расквартированных в Оренбургской губернии драгунских полков и 1100 казаков — 500 исецких, 500 нагайбацких и 100 сакмарских. Корпус должен был выступить в поход, когда двигавшаяся параллельным курсом Калмыцкая орда окажется напротив Орской крепости [11, л. 231—231 об.].

Однако в связи с тем что в начале марта яицкие казаки вышли из повиновения войсковых старшин и отказались от наряда в корпус полковника Бейерена, утвержденный ранее мобилизационный план был пересмотрен. Корпус М. М. фон Траубенберга за счет 5 тыс. башкир и мешеряков и наряженных для конвоирования провианта 100 солдат Алексеевского полка был доведен до 6908 человек. Второй корпус под командованием оренбургского войскового атамана В. И. Могутова формировался в Оренбурге. По плану его численность определялась в 2108 человек — 608 оренбургских казаков и 1500 башкир и мешеряков. Также в Исетской провинции, в Троицкой крепости под командованием секунд-майора Кологривова сосредотачивались для взаимодействия с Сибирским корпусом 2000 солдат и казаков и 1500 мобилизованных башкир и мешеряков.

Таким образом, в соответствии с внесенными изменениями в Оренбургской губернии предполагалось мобилизовать и задействовать в кампании по поиску и задержанию мятежных калмыков воинский контингент численностью 10 516 человек [13, л. 38—38 об.].

Казачья команда полковника А. А. Углицкого в составе 608 казаков и артиллеристов должна была составить костяк корпуса В. И. Могутова. После увольнения одноконных и не имевших лошадей казаков в команде, с учетом командиров, насчитывалось всего 323 человека. 5 марта на ее усиление в Илецкий городок (ныне село Илек) при атамане Тоцкой крепости Чулошникове выдвинулись 89 казаков, призванных из крепостей Самарской линии. Туда же из Яицкого городка генерал-майор И. К. Давыдов распорядился

отправить ранее состоявших в команде А. А. Углицкого 100 илецких казаков [12, л. 77—77 об., 133—133 об.]. Недостающих для укомплектования корпуса 80 казаков В. И. Могутов распорядился призвать из Бердской слободы [13, л. 14].

Период полуторамесячного поста казаков команды полковника А. А. Углицкого в Илецкой защите и Илецком городке был использован для подготовки к новому походу. Перед выступлением казаков должны были обеспечить месячным запасом провианта. Основным продуктом в нем являлись сухари. По предложению обер-коменданта Н. Я. Ланова в Илецкой защите их заготовкой занимались сами казаки [12, л. 188—188 об.]. В походе для перевозки провианта каждый из них должен был навьючить вторую, свободную лошадь.

4 апреля подполковник В. И. Могутов рапортовал оренбургскому губернатору о принятии под свое командование от полковника А. А. Углицкого 500 казаков с двумя пушками и состоявшими при них артиллерийскими служителями. На следующий день он обратился с ходатайством о дополнительном снабжении казаков корпуса свинцом и порохом. По действовавшим нормам казаку, отправлявшемуся на линейную пограничную службу, полагалось к выдаче из крепостных цейхгаузов по одному фунту свинца и пороха. Поскольку в столкновениях с неприятелем пулевой расход может быть увеличен, а в походных условиях пополнить его не представлялось возможным, Могутов просил выдать казакам по два фунта свинца и пороха дополнительно. 6 апреля майор артиллерии И. И. Норев передал под расписку присланному от подполковника Могутова хорунжему Семену Харитонову из артиллерийского цейхгауза 30 пудов и 16 фунтов ручного пороха и столько же свинца [13, л. 4, 6].

Составители мобилизационного плана не уделили должного внимания погодным условиям ранней весны, когда еще не растаял снег и не появился подножный корм для лошадей, и в то же время уже начался разлив талых вод. Эти обстоятельства существенно замедлили переход казаков, башкир и мещеряков из Уфимской и Исетской провинций в Оренбург и в Орскую крепость. К тому же в пути из-за травм и бескормицы они теряли до трети и более конского состава.

3 апреля присланные от Нурали-хана курьеры уведомили полковника М. М. фон Траубенберга о том, что калмыки численностью до ста тысяч человек уже достигли вершин реки Орь. Далее медлить с выдвижением корпуса из Орской крепости было нельзя, как пояснил командир корпуса, чтобы иметь с калмыками настоящее дело «поколь летний хороший корм не наступил и их лошади совсем еще не поправились» [13, л. 109].

11 апреля корпус полковника М. М. фон Траубенберга в составе четырех эскадронов регулярных войск и казаков, башкир и мещеряков (всего 2011 человек) вышел из Орской крепости. Недокомплект составил едва ли не две трети от количества, предусмотренного мобилизационным планом [13, л. 204, 207]. Траубенберг надеялся, что в степи легкие конные башкирские команды нагонят и пополнят его корпус. Естественно, в своем подчинении командир корпуса желал видеть и команду А. А. Углицкого, о чем неоднократно рапортовал И. А. Рейнсдорпу. «Полковнику Углицкому, как я прежде Вашему превосходительству представлял, в Илецкой защите с казаками более продолжаться нет нужды. К тому же, Нурали хан, к которому он на помощь был выслан, теперь не там, а как киргисцы уверяли, прямо [напротив] Орской крепости. И затем не соизволите ль приказать ему, Углицкому, следовать, и сколько можно поспешая, к вершинам Орь реки ко мне в совокупление» [13, л. 204 об.]. Квартировавшие в Илецкой защите и Илецком городке оренбургские казаки позднее действительно выступили вслед за корпусом полковника М. М. фон Траубенберга, но уже не отдельной командой, а в составе корпуса подполковника В. И. Могутова.

Заключение

Формирование казачьей команды полковника А. А. Углецкого в конце 1771 г. стало частью первого в истории Оренбургского края повсеместного масштабного плана мобилизации регулярных и иррегулярных (казаков, башкир и мещеряков) войск. Ее обоим существование пришлось на февраль — март. На первом, «походном», этапе А. А. Углецкому была поставлена задача: «учинить поиск и принудить их, калмык, к обратному возвращению». Изначально ему предписывалось действовать совместно с яицкими казаками, затем приказ был изменен, и команда направилась на соединение с казахским войском Нурали-хана. В результате оренбургские казаки даже не приступили к преследованию ушедших из России калмыков. Преодолев за три недели не менее 700 верст по заснеженной и обледенелой степи сначала до Яицкого городка, а оттуда до реки Илек и ее притока Хобды и потеряв в пути пятую часть конского состава, они закончили поход в Илецкой защите.

Неудовлетворительный итог похода был предопределен непродуманными приказами оренбургского генералитета — оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа и командующего всеми войсками Оренбургского корпуса генерал-майора И. К. Давыдова. В своем плане по использованию казачьей команды они не учли климатических условий оренбургской зимы, не определили способы снабжения казаков провиантом и фуражом. С другой стороны, губернатор руководствовался требованиями высочайших указов, поступавших из Военной коллегии, беспартийно повелевавших мятежников-калмыков догнать, остановить и вернуть.

На втором, «восстановительном», этапе, в период пребывания казачьей команды в Илецкой защите, для полковника А. А. Углецкого по-прежнему оставались актуальными затруднения, связанные с продуктовым и фуражным довольствием. В силу отсутствия единой интендантской службы за разные виды продовольственного и материально-технического снабжения отвечали сразу несколько губернских учреждений, начальником над которыми и единственным координирующим звеном выступал губернатор.

Невыполнение казачьей командой поставленной цели было закономерным и предсказуемым. Ни сама военная организация, ни технические возможности того времени не позволяли войскам вести военные действия в зимних условиях вдали от баз снабжения и приграничных укреплений.

Список источников

1. Аксенов А. В. Соль-Илецкая: историко-экономический очерк (1754—1965 гг.). Оренбург : Бузулукская типография, 1969. 170 с.
2. Болдырева О. Н. Причины откочевки калмыков на восток в 1771 г. (на основании перевода с китайского языка монографии «Краткая история ойрат-монголов») // Наука и современность. 2017. № 1 (11). С. 222—233. DOI: 10.17117/ns.2017.01.222.
3. Болдырева О. Н. Утрата калмыками своей государственности в 1771 году // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2017. Т. 32, № 2. С. 43—47. DOI: 10.21779/2542-0313-2017-32-2-43-47.
4. Бородулин А. Л., Каштанов Ю. В. Армия Петра I. М. : Техника-молодежи, 1994. 68 с.
5. Джунджузов С. В. Привлечение яицких казаков к преследованию откочевывавших из России калмыков в январе — марте 1771 года // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2025. № 1 (53). С. 107—122. URL: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/7_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.7.
6. Дорджиева Е. В. Исход калмыков в Китай в 1771 г. Ростов-на-Дону : СКНЦ ВШ, 2002. 210 с.
7. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. М. : Восточная литература, 2003. 285 с.

8. Колесник В. И. Последнее великое кочевье: переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в XVII и XVIII веках : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Волгоград, 2003. 53 с.
9. Кундакбаева Ж. Б. «Из твердого моего Её Императорскому Величеству усердия Вам доношу». Письма казахского хана Нурали оренбургскому губернатору И. А. Рейнсдорпу во время откочевки калмыков в Джунгарию. 1770—1771 гг. // Исторический архив. 2009. № 1. С. 199—212.
10. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска: хронологический перечень. Вып. 7. Оренбург : Тип. О. Яковлева, 1912. 472 с.
11. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 114.
12. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 118.
13. ОГАОО. Ф. Ф-3. Оп. 1. Д. 119.
14. Тепкеев В. Т., Кабульдинов З. Е. Калмыцко-казахские отношения в период откочевки калмыков из России в Китай в 1771 г. // Oriental Studies. 2023. Т. 16, № 4. С. 756—768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768.
15. Ходарковский М. И встретились два мира: Россия и калмыцкие кочевники (1600—1771). Элиста : КалмНЦ РАН, 2024. 374 с.
16. Цюрюмов А. В. О причинах откочевки калмыков в Китай в 1771 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. Барнаул : Барнаульский гос. пед. ун-т, 2001. С. 10—15.

References

1. Aksenov A. V. *Sol'-Iletskaia: istoriko-ekonomicheskii ocherk (1754—1965 gg.)* [Sol-Iletsk. Historical and economic essay (1754—1965)]. Orenburg, Buzulukskaya tipografiya Publ., 1969. 170 p. (In Russian)
2. Boldyreva O. N. Prichiny otkochevki kalmykov na vostok v 1771 g. (na osnovanii perevoda s kitaiskogo yazyka monografii “Kratkaya istoriya oirat-mongolov”) [The reasons for the migration of the Kalmyks to the East in 1771 (based on a translation from Chinese of the monograph “A brief history of Oirat Mongols”)]. *Nauka i sovremennost' — Science and Modernity*, 2017, no. 1 (11), pp. 222—233. DOI: 10.17117/ns.2017.01.222. (In Russian)
3. Boldyreva O. N. Utrata kalmykami svoei gosudarstvennosti v 1771 godu [The Kalmyks' loss of their statehood in 1771]. *Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki — Herald of Dagestan State University. Humanitarian Sciences*, 2017, vol. 32, no. 2, pp. 43—47. DOI: 10.21779/2542-0313-2017-32-2-43-47. (In Russian)
4. Borodulin A. L., Kashtanov Yu. V. *Armia Petra I* [Army of Peter I]. Moscow, Tekhnika-molodezhi Publ., 1994. 68 p. (In Russian)
5. Dzhundzhuzov S. V. Privlechenie yaitskikh kazakov k presledovaniyu otkochevyvavshikh iz Rossii kalmykov v yanvare — marte 1771 goda [Involvement of Yaik Cossacks in persecution of Kalmyks who had migrated from Russia in January — March 1771]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Elektronnyi nauchnyi zhurnal — Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*, 2025, no. 1 (53), pp. 107—122. Available at: http://vestospu.ru/archive/2025/articles/53/7_53_2025.pdf. DOI: 10.32516/2303-9922.2025.53.7. (In Russian)
6. Dordzhieva E. V. *Iskhod kalmykov v Kitai v 1771 g.* [The exodus of the Kalmyks to China in 1771]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh Publ., 2002. 210 p. (In Russian)
7. Kolesnik V. I. *Poslednee velikoe kochev'e: Perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh* [The last great nomad movement. The Kalmyk migration from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries]. Moscow, Vostochnaya literatura Publ., 2003. 285 p. (In Russian)
8. Kolesnik V. I. *Poslednee velikoe kochev'e: perekhod kalmykov iz Tsentral'noi Azii v Vostochnuyu Evropu i obratno v XVII i XVIII vekakh: avtoref. dis. ... d-ra ist. nauk* [The last great nomad movement. The Kalmyk migration from Central Asia to Eastern Europe and back in the 17th and 18th centuries. Abstr. Dr. Dis.]. Volgograd, 2003. 53 p. (In Russian)
9. Kundakbaeva Zh. B. “Iz tverdogo moego Ee Imperatorskomu Velichestvu userdiya Vam donoshu”. Pis'ma kazakhskogo khana Nurali orenburgskomu gubernatoru I. A. Reinsdorpu vo vremya otkochevki kalmykov v Dzhungariyu. 1770—1771 gg. [“Out of my firm zeal, I report to you, Her Imperial Majesty”. Letters of the Kazakh Khan Nurali to the Orenburg Governor I. A. Reinsdorp during the migration of the Kalmyks to Dzungaria. 1770—1771]. *Istoricheskii arkhiv*, 2009, no. 1, pp. 199—212. (In Russian)
10. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniyu Orenburgskogo kazach'ego voiska: khronologicheskii perechen'.* Vyp. 7 [Materials on the historical and statistical description of the Orenburg Cossack army: chronological list. Iss. 7]. Orenburg, Tip. O. Yakovleva Publ., 1912. 472 p. (In Russian)

11. *Ob "edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti* [United State Archives of the Orenburg Region] (OGAOO). F. F-3. Op. 1. D. 114.
12. OGAOO. F. F-3. Op. 1. D. 118.
13. OGAOO. F. F-3. Op. 1. D. 119.
14. Tepkeev V. T., Kabul'dinov Z. E. Kalmytsko-kazakhskie otnosheniya v period otkochevki kalmykov iz Rossii v Kitai v 1771 g. [Kalmyk-Kazakh relations during the 1771 Russia-to-China migration of Kalmyks]. *Oriental Studies*, 2023, vol. 16, no. 4, pp. 756—768. DOI: 10.22162/2619-0990-2023-68-4-756-768. (In Russian)
15. Khodarkovskii M. *I vstretilis' dva mira: Rossiya i kalmytskie kochevniki (1600—1771)* [And two worlds met: Russia and the Kalmyk nomads (1600—1771)]. Elista, KalmNTs RAN Publ., 2024. 374 p. (In Russian)
16. Tsyuryumov A. V. O prichinakh otkochevki kalmykov v Kitai v 1771 godu [On the reasons for the migration of Kalmyks to China in 1771]. *Rossiia, Sibir' i Tsentral'naya Aziya: vzaimodeistvie narodov i kul'tur: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Russia, Siberia and Central Asia. Interaction of peoples and cultures. Proceed. of the III Internat. sci.-pract. conf.]. Barnaul, Barnaul'skii gos. ped. un-t Publ., 2001, pp. 10—15. (In Russian)

Информация об авторе

С. В. Джунджузов — доктор исторических наук, доцент

Information about the author

S. V. Dzhundzhuzov — Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Статья поступила в редакцию 26.01.2025; одобрена после рецензирования 01.05.2025;
принята к публикации 20.05.2025

The article was submitted 26.01.2025; approved after reviewing 01.05.2025;
accepted for publication 20.05.2025